

Замѣтка по поводу изданія народныхъ сказокъ.

Въ виду предполагаемаго изданія народныхъ русскихъ сказокъ считаю не лишнимъ представить Отдѣленію Этнографіи нѣсколько своихъ соображеній, ограничившись на этотъ разъ лишь практическими вопросами осуществленія столь желательнаго предпріятія: насколько оно своевременно и слѣдуетъ ли ограничиваться лишь перепечаткою превосходнаго собранія Афанасьевы съ дополненіемъ имѣющагося въ архивѣ Общества неизданнаго матеріала.

Первый вопросъ, при всей очевидной простотѣ своего разрѣшенія, получилъ въ настоящее время особенно важное, можно сказать—роковое значеніе. Съ обновленіемъ жизни русскаго народа послѣ великой реформы 19 февраля 1861 года, со всѣми зависящими отъ нея послѣдствіями,—и въ области этнографіи на нашей недолгой памяти произошли крупныя перемѣны. Съ крупнымъ переворотомъ въ экономической жизни, многое уже исчезло безъ слѣда съ быстротою вешиаго снѣга, и во всякомъ случаѣ главнѣйшимъ образомъ значительно сократились мѣста, не такъ давно представлявшія обильные матеріалы для наблюденій. Быстроѣ развитіе сѣти желѣзныхъ дорогъ, шедшее обѣ руку съ ослабленіемъ паспортныхъ сношеній, облегчивъ сношенія и связи деревни съ городомъ, содѣйствовало примѣтному исчезновенію тѣхъ заходустій, гдѣ ревниво сберегалась старина и куда теперь, открылся удобный путь свѣжимъ вѣяніямъ и свободный доступъ всякой соблазнительной новизнѣ. Къ настоящему времени разнообразныхъ перемѣнъ стараго на новое накопилось такъ много, что требуются уже самостоятельныя изслѣдованія, обѣщающе совершенно иныхъ этнографическихъ данныхъ при утратѣ тѣхъ, которыхъ сберегались вѣками и были на нашей памяти. Съ особенною очевидностью выразились эти перемѣны въ покроѣ крестьянской одежды, въ виду быстраго распространенія швейныхъ машинъ именно въ теченіе послѣдніхъ лѣтъ и благодаря поразительному развитію торговли готовымъ платьемъ, бросающеся въ глаза на каждомъ шагу въ обѣихъ столицахъ, а на нижегородской ярмаркѣ успѣвшей теперь занять одно изъ первенствующихъ мѣстъ среди самыхъ важныхъ и бойкихъ разновидностей торговли.

Я уже имѣлъ случай (въ сборнике «XXV лѣтъ» изданія Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ) съ достаточнouю подробностью указать на эти перемѣны въ одѣждѣ, ограничившись даже лишь однимъ головнымъ уборомъ и указавши на исчезновеніе этого этнографического признака, который позволялъ разбираться, подобно нарѣчіямъ и говорамъ, въ принадлежности данныхъ лицъ къ извѣстной мѣстности. Городской щеголь кафтузъ или фуражка съ лакированнымъ козыркомъ и ремешкомъ, изгнавшій полярковую шляпу въ разнообразіи ея 15—17 фасоновъ, развилъ, возродивъ на новыхъ мѣстахъ, фуражечное производство, и убилъ шляпное тамъ, гдѣ (какъ въ Семеновскомъ и Макарьев. уѣздѣ Нижегор. губ.) оно было исконнымъ промысломъ. Здѣсь теперь начали увѣреннѣе «окладывать» благонадежные валеные сапоги, чѣмъ «зavarивать» коварные шляпы, покорившись легкомысленной модѣ. Объ нихъ приходится вспоминать какъ разъ въ то время, когда «канфетки» и «стрѣлочки» изгнали коренную и родную народную пѣсню.

Вообще мы переживаемъ то боевое время, когда и наблюденіями слѣдуетъ посыпать, и составленіемъ всякихъ этнографическихъ музеевъ и сборниковъ поторапливаться.

Та же опасность утратъ съ явными признаками надвигающихся бѣдъ отъ перемѣнъ въ экономическомъ и разложенія въ бытовомъ строѣ народной жизни предчувствуется и въ томъ вопросѣ, который вызвалъ настоящую замѣтку. Такъ, между прочимъ, указъ 19 февраля разогналъ барской дворню и въ томъ числѣ доброхотныхъ сказочницъ—старушекъ—наискъ, воспитывавшихъ отъ 2-хъ до 3-хъ поколѣній и убаюкивавшихъ дѣтей дворянского сословія обязательно русскими крестьянскими сказками. Живой образъ этихъ милыхъ и простодушныхъ хранительницъ и защитницъ дѣтства скоро сохранился лишь въ одномъ томъ образѣ, который начерталъ намъ величайшій поэтъ, благодарно вспомнившій подругу своихъ суровыхъ дней—дряхлую старушку Арину Тимофеевну. Она подсказала ему мотивы тѣхъ шести чудесныхъ сказокъ, которые будутъ заучиваться всюю Русью, пока она не перестанетъ крѣпиться на своихъ могучихъ корняхъ, питаясь соками родной почвы.

Съ другой стороны, съ исчезновеніемъ помѣщичьей дворни, несомнѣнно въ скромъ времени исчезнетъ изъ памяти тотъ отдѣль сказокъ, который порожденъ былъ именно крѣпостной неволей. Въ нихъ, съ добродушнымъ юморомъ, ставили барина въ забавные положенія, подсмѣшиваясь надъ простотой и ненаходчивостью и иными недостатками, подмѣченными въ этихъ сытыхъ и самодовольныхъ людяхъ до эrotическихъ наклонностей включительно. Рѣдко въ сказкахъ этого рода прорывалось озлобленное чувство,

вызванное тяжелымъ крѣпостнымъ гнетомъ и всячими неправдами, но мстительная насыщка всегда и обязательно въ нихъ присутствовала. Болѣе характерные изъ этихъ сказокъ-памфлетовъ, подобно сказкѣ о баринѣ Кантѣевѣ, неудобны для печати. Кромѣ того, есть много оснований предполагать, что всѣ таковыя въ нездобивомъ сердцѣ доброго, многотерпѣливаго и все прощающаго народа нашего не удержатся теперь, когда, въ теченіе этихъ 36 лѣтъ, выросло новое поколѣніе, не знавшее крѣпостного ярма, равнодушное къ способамъ его быльихъ приспособленій и безучастное къ испытаннымъ отцами и дѣдами мученіямъ. По человѣчеству (какъ выражаются грамотви) — можно забыть, а по христіански — и вовсе простить.

На невинныя, пригодныя для печати сказки во всѣхъ ихъ формахъ: житейскихъ, богатырскихъ, балагурныхъ и т. под., въ ередѣ народа выработался, на мѣсто отжившихъ свой вѣкъ скомороховъ,—особый классъ хранителей и распространителей ея въ тѣхъ деревенскихъ бродячихъ ремесленникахъ, которые известны подъ именемъ швецовъ. Но и въ ихъ среду начинаетъ пробиваться новая сѣбѣая струя, способная своимъ холодкомъ знобить и мертвить, хотя и медленно, но вѣрно. Ловкія торговыя фирмы, въ родѣ какого-нибудь Мандра съ Невскаго проспекта у Полицейскаго моста, разувнали тѣ мѣстности, какъ напр. большое село Порздня (Юрьев. уѣзда Костр. губ.), гдѣ группируются ремесленники этого рода, насадили сюда цѣлыхъ сотни швейныхъ машинъ и при нихъ матеріалъ и выкройки. Машины, полученные въ кредитъ, работая за невѣроятно ничтожную плату со штуки, въ то же время окупаютъ себя; бродячихъ мастеровъ онѣ плотно усадили на мѣсто, сдѣлали ихъ осѣдлыми, стукомъ своимъ заставили промолкнуть пѣсню и прекратить сказки, а въ то же время кстати и всѣхъ переодѣли въ дешевый спинжакъ, въ подходящее по цѣнѣ женское пальто самаго новѣйшаго моднаго покроя.

Однако, несмотря на появленіе этихъ еврейскихъ мастерскихъ, случайно ворвавшихся въ область этнографическихъ наблюдений непрошенными преобразователями, еще далеко не все погибло. Напр., дубленый полушибокъ и нагольный тулузъ не настолько покладливы, чтобы скроенные и приложенные для нихъ овчинки могли укладываться на поддонокъ машинки и поддаваться хрупкой иглѣ американского издѣлія, а не той, крѣпкой, какъ шило, къ которой издревле преспособилась тяжелая рука деревенского мастера. На этихъ рукахъ во всякомъ случаѣ еще многое осталось, включительно до наложенія крупныхъ заплатъ на поношенную рухлядь, удобную для починокъ. Еще держатся за швецовъ, и ихъ ручной трудъ поощряютъ свои люди въ насиженныхъ ими мѣстахъ. Здѣсь, натужигая грудь и спину и подвернувшись

подъ себя ноги калачемъ по восточному образцу, ведутъ они свою безшумную и скучную работу, располагающую къ задумчивости, порождающую въ пожилыхъ людяхъ привычку къ самоуглубленію, какъ въ олонецкихъ сказителяхъ, и въ томъ тамбовскомъ швецѣ Семенѣ Матвеевѣ Укленѣ, который считается основателемъ и распространителемъ въ Моршанскомъ уѣздѣ и далѣе молоканской раскольничей секты. Съ другой стороны наложенная деревенская привычка, какъ вѣковой обычай, требуетъ отъ молодыхъ швецовъ подспорья работъ пѣснями и подмоги коротать докучное осенне время длинными-предлинными сказками, мудреными загадками и веселыми прибаутками. Пока не завелись еще въ избахъ грамотѣи съ книжками, для сказокъ не только просторъ, но и раздолье. Въ тѣхъ семьяхъ, для которыхъ открывается возможность шить изъ домашнихъ овчинъ полуушубки и осень не утратила своего хвалебнаго прозвища «богатой», это время года—самое подходящее. Всѣ теперь на отдыхѣ съ привычными въ рукахъ работами расположены, бодрясь и подремывая, сидя и лежа, охотливо слушать до поздняго вечера. На улицѣ темень хоть глазъ выколи, въ окна бѣть съ неустаннымъ озлобленіемъ косой дождикъ,— добрый хозяинъ собаки не выпустить—въ трубѣ воетъ вѣтеръ, а въ избѣ тепло и уютно и на сердцѣ покойно, пока еще не сѣдѣнъ свой хлѣбецъ и можно имъ покормить захожихъ рабочихъ, досужихъ сказочниковъ, весолыхъ ребятъ.

Въ такой именно обстановкѣ напечатлѣлись въ моей отроческой памяти картины деревенской жизни, оживленныя приходомъ швецовъ изъ-подъ Галича, когда на самыхъ первыхъ порахъ литературныхъ работъ, по увлеченію требованиями того времени, третьимъ разсказомъ изъ крестьянскаго быта привелось написать именно про этихъ самыхъ швецовъ. Тогда уже они, по свѣжимъ впечатлѣніямъ, непосредственно воспринятымъ въ дѣтствѣ, выдѣлились, какъ присяжные сказочники и веселые люди, отъ которыхъ привелось услышать и первыя загадки и острыя прибаутки; сказки, смѣшныя и страшныя, тянулись безконечной вереницей, у хорошаго сказочника слова такъ и назывались, какъ бисеръ. Впослѣдствіи при дальнѣйшихъ наблюденіяхъ народной жизни въ многократныхъ поѣздкахъ довелось укрѣпиться въ убѣжденіи, что сказка сдѣлалась неотъемлемою и обязательною принадлежностью самаго ремесла. Къ тому-же выводу привели и вчерашнія кабинетныя справки по подручнымъ печатнымъ источникамъ.

Павель Николаевичъ Рыбниковъ, задумавшій собирать олонецкія былины, гонялся, какъ за краснымъ звѣромъ, за расхваленнымъ ему сказителемъ Вытылкой (онъ же Чиковъ), который былъ крестьянскимъ портнымъ, и въ обязательныхъ переходахъ для шитья съ мяста на място, былъ неуловимъ. Александру Федоровичу Гильфордингу въ числѣ сказителей, распѣвавшихъ бы-

лины, попалось шесть швецовъ, и между ними Титъ Калининъ, со словъ которого онъ записалъ 20 былинъ и свидѣтельствовалъ, что Калининъ еще мальчикомъ и молодымъ человѣкомъ много ходилъ по деревнямъ въ окрестностяхъ Шуны и Толвя для портняжныхъ работъ. Когда бросилъ ремесло и всталъ на крестьянство, многие былины забыть, но помнилъ множество предлинныхъ сказокъ. Другой сказитель Куриковъ сообщилъ изъ былинъ только двѣ, но предлагалъ сколько угодно сказокъ и прибаутокъ. На послѣднія очень гораздымъ оказался Корсаковъ — тоже швецъ, котораго Гильфердингъ охарактеризовалъ такими словами: «необыкновенный весельчакъ, юмористъ, мастеръ пѣть лихія и скромная пѣсни; большой охотникъ погулять». Онъ служилъ запѣвалой и вожакомъ молодежи на деревенскихъ праздникахъ. Былины отошли у него на второй планъ: «онъ забыть большую часть тѣхъ, которые пѣвали въ прежнее время», но, конечно, не забыть сказокъ (прибавлю я отъ себя). Оба эти вида произведеній народнаго творчества находятся въ тѣсной связи и хранятся рядомъ, но съ полнымъ сознаніемъ разницы: сказка — складка, сочиненіе по готовой канѣ, требуетъ присказку, любить вставныя, вызывающія смѣхъ прибаутки, оживляющія разсказъ, складная «поговорка». Напримѣръ, былина — пѣсенная досельная старина — былъ изъ временъ далекаго прошлаго, когда вошлились на Руси славные могучіе богатыри, сложившаяся въ строгий ритмическій пѣсенный разсказъ, вызываетъ особенное напряженіе памяти, не допускаетъ иныхъ вставокъ, кромѣ тѣхъ, которыхъ пособляютъ сохраненію стройнаго стихотворнаго размѣра складу и ладу, и безусловно требуя уваженія ко всякому слову и въ особенности мѣткому эпитету. За сказками, стало быть, то существенное преимущество, что онѣ будучи, свободными отъ путь размѣра п., на вольномъ просторѣ пересказа, сберегаются памятью легче и цѣльнѣе. Запись сказокъ обѣщаетъ громадный успѣхъ и въ рукахъ охотныхъ и трудолюбивыхъ изслѣдователей можетъ превозойти всякия смѣлыхъ ожиданія, едва-ли даже посильнѣя одному человѣку. Не даромъ обѣгали эту работу всѣ собиратели первовъ народнаго творчества. Рыбниковъ, напр.., записалъ только двѣ, но изъ нихъ одну обѣ Олешѣ Голопузомъ — пародію на богатырей сообщилъ ему Барсовъ.

Старуха съ Топозера, распѣвавшая мнѣ былины въ деревушкѣ Поньгамѣ на берегу Бѣлаго моря, послѣ отдыха, разогрѣвшись моимъ чаемъ изъ своей чапки, — заслала квартирную хозяйку просить моей милости дозволить ей перейти на сказки.

Жалобится: нудно ей въ ладъ попадать. Сказывается, что память у ней стала какъ рѣшето. А на сказки-то она и впрямъ лютая; онѣ что рѣки изъ нея.

Отъ Поньгамской старухи я успѣлъ записать пять сказокъ: прибавилъ къ нимъ еще десятокъ въ Холмогорахъ, уступленный смотрителемъ уѣзднаго училища, и весь этотъ сборничекъ вручилъ Якушкину для передачи Ал. Ник. Афанасьеву. Павелъ Ивановичъ, бродившій по деревнямъ за пѣснями апостольскимъ способомъ съ узелкомъ, въ которомъ хранилась вся его наличная движимость,—узелкомъ этимъ соблазнилъ въ вагонѣ Николаевской дороги недобраго сосѣда, который и износилъ обѣ его запасныя рубахи, а мой сборникъ и его замѣтки на клочкахъ искурилъ въ цыгаркахъ. О подобномъ же случаѣ свидѣтельствуетъ неизвѣстный авторъ въ журнальчикѣ «Трудъ», разсылаемомъ прибавленіемъ ко «Всемирной Иллюстраціи» (1890 г. т. VI № 8), но этотъ разсказъ требуетъ нѣкоторой поправки, вынуждая остановиться для одной привходящей сюда замѣтки.

За десять лѣтъ до Рыбникова занимался въ Олонецкомъ краѣ собираемъ матеріаловъ пѣсенного народнаго творчества съ не менѣе замѣчательнымъ успѣхомъ нѣкто Баласогло. По крайней случайности онъ также, какъ Рыбниковъ—истинный пionеръ этого дѣла въ той мѣстности (съверо-восточной части губерніи, въ Заонежье), которую справедливо почитаютъ сокровищницей эпической поэзіи, былъ сосланъ сюда и также принятъ былъ на службу въ должность чиновника особыхъ порученій при губернаторѣ (Писаревѣ). Сосланъ былъ по несчастному, намѣренно раздутому подъ вліяніемъ бюрократическихъ интригъ, такъ называемому политическому дѣлу Баташевича-Петрашевскаго, и былъ человѣкомъ выдающихся способностей и широкаго образованія. Онъ успѣлъ сдѣлаться извѣстнымъ оригинальнымъ трудомъ-брошюрою, подъ заглавиемъ «Буква ъ», въ которой обстоятельно собраны были всѣ слова, начинающія съ этой буквы, а равно и тѣ, въ которыхъ она обязательна. Брошюра пользовалась, въ свое время, большою извѣстностью, не забыта и до сихъ поръ. Несчастный Баласогло испытаний ссылкой не выдержалъ,—сошелъ съ ума, но успѣвъ оставить крупные слѣды работъ, исполненныхъ съ любовью тщательно. При полномъ отсутствіи въ то время руководящихъ указаний опыта и научной разработки предмета, этотъ собиратель умѣлъ самъ разобраться, и при этомъ въ своихъ записяхъ онъ сохранилъ отг҃ѣнки новгородскаго нарѣчія съ обозначеніемъ удареній, затребованныхъ олонецкимъ говоромъ и законами былиннаго стихо-воднаго размѣра.

Въ тѣ времена предубѣждений и отчужденій, когда трудно было добиться какихъ-либо вѣрныхъ свѣдѣній отъ народа «барину» и тѣмъ болѣе чиновнику,—всякое даяніе было благо. Разбиватъ изслѣдованія на специальности съ исключительно погонею за одною избранною, какъ привелось сдѣлать это тому же Рыбникову, а въ особенности Гильфердингу по отношенію

къ былинамъ и Барсову—къ причтаньямъ, Баласогло не нашелъ нужнымъ. Ему все казалось драгоценностью, достойною памяти. Судя по остаткамъ этого сборника, случайно доставшимся мнѣ въ Москвѣ, имъ по возможности преслѣдовались всѣ роды пѣсенного творчества, записывались всѣ обломки древняго народнаго эпоса, еще сохранившіеся въ Заонежье.

Я называлъ имѣющіяся у меня тетради «остатками сборника» Баласогло на основаніи упомянутой мною замѣтки въ «Трудѣ». Въ ней говорится: «записи Баласогло достались учителю мѣстной гимназіи Дозе. Послѣдній по отзывамъ знающихъ его, «былъ человѣкъ образованный, любилъ свой предметъ преподаванія, любилъ своихъ учениковъ и многихъ изъ нихъ направилъ на путь изученія края во всѣхъ отношеніяхъ». При всемъ томъ онъ не особенно удачно распорядился доставшимся ему богатствомъ, раздавши записи Баласогло гимназистамъ для ученическихъ сочиненій. Напечаталъ онъ только одну былину въ Олонецкихъ губернскихъ вѣдомостяхъ». А вотъ и нѣсколько изъ остальныхъ былинъ, уцѣлѣвшихъ отъ погрома, подаренныхъ мнѣ наследникомъ сослуживца собирателя въ количествѣ 11-ти, при 7 «плаксахъ по жалимомъ покойникѣ», 40 № лирическихъ пѣсень и 4 духовныхъ стиха.

Я не буду теперь, за краткостью времени и въ виду предстоящаго сообщенія современаго интереса, представлять оцѣнку этого сборника, довольствуясь напоминаніемъ объ неизвѣстномъ или полузабытомъ собирателѣ, во всякомъ случаѣ, первымъ пробившемъ тропу туда, гдѣ послѣдующіе и заднѣ успѣли приобрѣсти широкую извѣстность и вполнѣ заслуженную славу. Собственно поучителѣнъ призывъ Дмитрія Ив. Баласогло сюда же за сказками; въ обрывкахъ его сборника сохранились двѣ или, вѣрнѣе, три (одна въ варианѣ, представляющей самостоятельный пересказъ). Первая запись сказки о «Царь-дѣвицѣ» сдѣлана въ Вой-Наволокѣ, вторая—въ Сѣниогубскомъ погостѣ. У Афанасьева имѣется 6 вариантовъ на эту же самую любимую народомъ сказку о поискахъ молодовыхъ яблокъ, живой и мертвой воды, но у Баласогло въ записяхъ былинный складъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ идутъ живые разговоры сохранился въ изумительной цѣльности. Въ отдѣльной сказкѣ—кстати портныхъ о портномъ—уберегся и былинный пріемъ разсказа, и основной характеръ сказокъ—чрезмѣрная небывальщина и широкий размахъ фантазіи. Этой сказки я не нашелъ ни въ одномъ сборнике, а по краткости содержанія позволяю себѣ привести ся текстъ подлинникомъ, чтобы познакомить съ характеромъ записей Баласогло, какъ желательнаго образца для будущихъ собирателей. Таковыми могутъ быть тѣ же лица, которыми умѣло и съ особыніемъ успѣхомъ пользовался Рыбниковъ, поручая записи семинаристамъ, разѣзжающимся на вакаціи. Остальные великорусскіе мѣстности,

выпускающія шведовъ въ разныя стороны до далекой Сибири включительно,— все на счету: село Молвитино (Костр. губ.), село Мурашкино (Нижегор.), деревня Трушково Пошехонского уѣзда. Яросл. губ., лежащая въ центрѣ селеній со сплошь странствующими портными, и т. д. Что же касается до прославленныхъ мѣстностей Заонежья, до Кижей и Тolvua, то онѣ и сейчасъ лежать въ сторонѣ даже и отъ такого недавно проложеннаго почтоваго тракта, который идетъ отъ озера Онеги черезъ Повѣнѣцъ къ Бѣлому морю,—тракта совершенно ничтожного по своему значенію въ данномъ вопросѣ. Давнія связи географическаго общества, при надлежащемъ сношеніи со всѣми подобными мѣстностями, помогутъ добору недостающаго и исправленіемъ вариантовъ особенно вѣроятныхъ въ Заонежье. Нашелъ же Баласогло вотъ эту сказку, усвоизнувшую отъ Рыбникова и Гильфердинга, несмотря на то, что въ ней слышится и былинный ритмъ, и обычные былинные обороты¹⁾.

Увѣренno думается, что къ этому добромъ привѣту начинаніямъ этнографического отдѣленія по изданію сказокъ присоединится и столь же искреннее и общее желаніе, чтобы подобныхъ указанной отчетливыхъ и безпримѣсныхъ записей нашлось побольше. Пожеланіе это тѣмъ сознательнѣе и искреннѣе, что невольно припоминаются и первыя неудачи и послѣдующіе блестящіе успѣхи этого рода начинаній. Первые народныя сказки, напр., появились на Божій вольный свѣтъ въ печати обвѣшанными погремушками и пестрыми лоскутками, и самъ пересказчикъ зачѣмъ-то наряжался скоморохомъ. Онъ испещрилъ разсказъ пустословками, уснастилъ въ такомъ избыткѣ смѣхоторными прибаутками, что透过 нихъ и сквозь слой намазанныхъ красокъ нельзя было опознаться, гдѣ говорить сказка сама отъ себя за свой страхъ и счетъ безъ оборота, и гдѣ, безъ довѣрности, ручался за нее пересказчикъ. И лица не видно, и голосу не слышно. Не слышно того мягкаго и тихаго говорка подобнаго голубиному воркованью которымъ убаюковалось и ласкалось дѣтство. Не видно и милыхъ чертъ знакомаго лица, морщинистаго отъ старости, но съ такимъ привѣтливымъ взглядомъ, въ которомъ ярко свѣтился живой огонекъ юности. Можетъ быть этотъ запѣвало и сдѣлать свое дѣло; гремушкой со звучій привлекъ слушателей и задержалъ ихъ вниманіе на своихъ остроумныхъ россознахъ и въ «Первомъ пяткѣ русскихъ сказокъ», и въ послѣдующихъ десяткахъ,—небылицъ и побывальшинъ.

И такова, знать, судьба, всякихъ запѣвокъ, что и первая попытка выпуска былинъ и пѣсенъ, не можетъ зачеститься въ поучительный образецъ къ руководству. Корабль, наполненный большимъ количествомъ дорогаго товара,

¹⁾ Сказки по записи Д. И. Баласогло см. ниже въ II отд.

выплыvalъ въ открытое море тяжело и вѣско. Шкиперъ, вызвавшійся на проводку судна, столько навалилъ балласта, что пришлось и разгребать его, чтобы добраться до сокровищъ, и удивляться, въ то-же время тому, зачѣмъ набралъ онъ такъ много лишнихъ и тяжелыхъ камней. Конечно, этимъ пріемомъ ни добротности, ни сохранности основной и главной клади онъ не прибавилъ, но навѣрное затруднилъ его получку въ томъ цѣльномъ и спрятанномъ видѣ, въ какомъ самъ получилъ этотъ цѣнный продуктъ, доставленный ему изъ разныхъ мѣстъ заготовокъ.

Теперь, когда первыя неудачи исправлены и ушли, наѣзъ говорится, въ преданіе, когда завели дѣло такія сильныя и опытныя руки, какими владѣли Афанасьевъ и Гильфердингъ, можно еще разъ съ полной увѣренностью въ успѣхѣ еще болѣе блестящемъ и несомнѣнномъ повторить привѣтъ съ чувствомъ благодарности за починъ и пожеланіемъ благополучнаго окончанія.

Вотъ теперь и моя сказка съ присказкой ися.

C. B. Максимовъ.

Сказки.

(Приложение къ статьѣ С. В. Максимова).

1.

О царѣ и портномъ.

Досюль жиль-былъ царь на царствѣ, на ровнымъ мѣстѣ, какъ сырь на скатерти. Этотъ царь былъ охотникъ сказокъ слушать. И сдѣлалъ онъ по царству указъ, чтобы сказали сказку, которой никто не слыхивалъ:

«За то кто скажеть—огдамъ подцарства и царевну!»

Этой сказки сказать никто не находитцы!

Приходитъ изъ кабака швецъ, говорить царю:

« Ваше царское величество! извольте меня напоить-накормить: я вамъ буду сказки сказывать!»

И напоили, и накормили, и на стулъ посадили.

И стала сказки сказывать:

«Какъ досюль былъ у меня батюшка—богатаго живота человѣкъ: И онъ сстроилъ себѣ домъ: что голуби по шелому ходили—сь неба звѣзды клевали! У этого дома былъ дворъ,—отъ воротъ до воротъ лѣтомъ, меженнымъ днемъ, голубь не могъ перелѣтывать!..

«Слыхали-ль этакую сказку, вы, господа—бояра, и ты надѣжа—великій царь? Тыи говорять, что не слыхали.

«Ну, такъ это не сказка, а присказка: сказка будетъ завтра, повечеру.—Теперь меня прощайтѣ!..

Ушелъ.

И приходитъ опять на другой день, и говорить:

«Ваше царское величество! извольте меня напоить-накормить: я вамъ буду сказки сказывать!»

И напоили, и накормили, и на стулъ посадили.

И стала сказки сказывать.

«Какъ досюль былъ у меня батюшка: богатѣшаго живота человѣкъ! И онъ сстроилъ себѣ домъ:—что голуби по шелому ходили—сь неба звѣзды клевали! у этого дома былъ дворъ:—отъ воротъ до воротъ лѣтомъ, меженнымъ днемъ, голубь не могъ перелѣтывать!—И на этомъ дворѣ былъ выращенъ быкъ:—на томъ рогу сидѣлъ пастухъ, на другомъ—другой; въ трубы трубятъ и въ роги играютъ, а другъ другу лица не видно и голоса не слышно!..

«Слыхали-ль этакую сказку вы, господа бояре, и ты, надежа—великій царь?—

— Нѣтъ не слыхали!—

Шапку взялъ, да и сшелъ.

Царь видѣть, что это человѣкъ не путній, — жаль стало царевну отдать,—говорить господамъ:

«Что, господа бояре?— Скажемъ-те, что слыхали эту сказку, и подпишемъ-те!»

Господа согласились, что—слыхали эту сказку, и подписались.

На третій день приходитъ этотъ портной и говорить:

«Ваше царское величество! Извольте меня напоить—накормить: я вамъ буду сказки сказывать!»

И напоили и накормили, и на стуль посадили.

И стала онъ сказки сказывать:

«Какъ досюль былъ у меня батюшка: пробогатаго—богатаго живота человѣкъ! И сстроилъ онъ себѣ домъ: что голуби по шелому ходили—съ неба звѣзы клевали!— У этого дома былъ дворъ:—отъ воротъ до воротъ лѣтомъ, меженины днемъ, голубь не могъ перелѣтывать.—И на этомъ на дворѣ былъ вырошенъ быкъ: на томъ рогу сидѣлъ пастухъ, на другомъ—другой; въ трубы трубить и въ роги играютъ, а другъ друга лица не видно и голоса не слышно!—И на дворѣ была вырошена кобыла: подъ трономъ жеребятъ въ сутки носила, все третяковъ, т. е. сразу трехъ лѣтъ возраста!—И єнъ во тую пору жилъ весьма богато!

И ты, надежа—великій царь, занялъ у него сорокъ тысячъ денегъ!..

«Слыхали-ль вы, господа бояра, этакую сказку? и ты, надѣжа—великій царь?..

Господа видать, что ничего дѣлать,—говорять всѣ, что слыхали.

«Ты, великий царь? Занялъ у моего батюшки сорокъ тысячъ денегъ—вижь, господа вси слыхали!—А ты мнѣ денегъ до сихъ поръ не отдаешь!..

И видеть царь, что дѣло не хорошее:—надо отдать царевну и полцарства—либо сорокъ тысячъ денегъ!

Отдалъ ему сорокъ тысячъ денегъ.

И пошелъ этотъ портной опять въ кабакъ, съ пѣснями!..

Вотъ-те, и сказка вся!..

Сынно-Губскій Погостъ, въ За-Онежськъ.

2.

О царь - дѣвицѣ.

Одинъ разскѣзъ.

Нѣ у какого царя было три сына, первый сынъ—Федоръ-царевичъ; другой—сынъ Димитрій царевичъ; третій—Іванъ-царевичъ...
Нѣ у коего царя былъ почестный пиръ...

И говорить своимъ собраннымъ генераламъ и графамъ:

«Что, господа! У меня три сына: кто бы могъ моихъ цвѣтовъ порвать и слѣдовъ поискать?»

И выходить больший сынъ, Федоръ-царевичъ:

«Батюшка, дай мнѣ прощеніе и благословеніе твоихъ цвѣтовъ порвать и слѣдовъ поискать!»

Этому царю радостеинъ сдѣлался, и отпускаеть;—велитъ съ конюшни наилучшаго коня дать.—И обѣддали, и обуздали; и поѣхалъ во чисто поле по времени молодецъ.

И прїѣзжаетъ ко столбу: на столбѣ подпись:

«Кто въ правую дорогу поѣдетъ—самъ сѣть, а конь голоденъ; а кто въ лѣвую дорогу поѣдетъ—конь сыть, а самъ голоденъ; кто серединную дорогу поѣдетъ—голова на плаху!»

Тутъ Федоръ-царевичъ пораздумался, и поѣхалъ въ правую дорогу.

И прїѣхалъ къ мѣдноей горы. Поставилъ коня у своего коня, и высталъ на гору. Ходилъ по горѣ—ничего йниаго не могъ найти, окромѣ мѣднаго гада, весьма красиваго. И клалъ себѣ въ карманъ, и поворотъ дѣлалъ въ свое государство.

И прїѣзжаетъ къ своему отцу, и входить въ тайныя комнаты своего отца, и кажется сего змѣя мѣднаго.

На это царь гнѣвенъ сдѣлался:

«Какую скверность ты привезъ! и може наше царство расточить!»

И послѣ этого сдѣлался царь очень грубъ, многовременно время.. .

Потомъ царь временно сдѣлался веселъ, въ саду гуляющи, и такождо приказалъ сдѣлать баль.

И всѣ на ширу напивалися.

Въ этомъ веселіи царь выходить и говорить:

«Господа генералы и графы! Кажды у меня дѣти вырощены до полнаго возросту, и такожды—говорить—нико не нашелся моихъ цвѣтовъ поломать и слѣдовъ поискать!..

И потомъ выходить Дмитрій-царевичъ; поклонился и благословилъ у своего батюшка, что

«Дай мнѣ, батюшка, благословенія, твоихъ цвѣтовъ поломать и слѣдовъ поискать!»

Этому царь радостеи сдѣлался, приказалъ наилучшаго коня дать.

И сѣль на добра коня и поѣхалъ во чистое поле.

И ѻздалъ по чистому полю и подѣхалъ къ этому столбу, и на этомъ столбу подпись:

«Кто въ правую дорогу поѣдетъ—самъ сыть, а конь голоденъ; а кто въ лѣвую дорогу поѣдетъ—конь сыть, а самъ голоденъ; кто въ середину дорогу поѣдетъ—голова на илаху».

Поразумелся добрый молодецъ, и порасплакался:

«Куда-жъ я поѣду?.. Поѣду въ лѣвую дорогу: конь будетъ сыть, и меня вывезетъ!»

И ѻхалъ, близко ли—далече,—стоитъ велика приходомина; и заѣхалъ вокругъ дому, и подъ ворота, на дворъ заѣхалъ:—столбы точёные, кольца золочёны.—И поставилъ своего доброго коня въ шпены, и идетъ въ верхніе покой по лѣстницѣ.—И па встрѣчу ему жёнка; и бѣжитъ—вѣжливо прѣятно принимаетъ его. И всякой благодати на столахъ накладено кушанье. Увѣщаиваетъ, кормить, и поить доброго молодца; и послѣ хлѣба—солѣ на спокой ложитъ на кровать его. Какъ скоро на кровать положила, доску повериула, и улеталь онъ въ погребъ!..

И царь многому времени дожидаль эвтаро сына и много времени иечалень былъ.

Потомъ сдѣлалъ царь баль, и развеселился, говорить графамъ и генераламъ:

«Что, господа графы и енералы! выростилъ трехъ сыновей, а какъ ни рачительныхъ, ни почетительныхъ для службы, для своего царства; а чѣмъ моихъ цвѣтовъ поломать и слѣдовъ поискать?»

И выходить Иванъ-царевичъ, и просить благословенія у своего родителя.

«Ахъ, Иванъ-царевичъ, царской сынъ! Лучше тебя братья были, да что сдѣлали?—Зналъ бы ты за пецкой лежать: нечего тебѣ не въ свое дѣло пихаться!»

И сдѣлался этому Иванъ-царевичъ очень яръ:

«Батюшка, великой надежда—государь! дашь прощеніе и благословеніе—поѣду; не дашь прощеніе и благословеніе—поѣду!»

И царь приказалъ наилучшаго коня дать, когда пущай по охотѣ поѣдетъ.

И вышли конюхи: что ни лучшаго коня ему выбираютъ и выдававаютъ. Онь саму водовожную лошаденочку, что ни есть похоже, выбираеть. И сѣль доброй молодецъ къ хвосту рожею. И всѣ господа засмѣялися, что царской сынъ такъ не ладно поѣхалъ...»

И выѣхалъ Иванъ-царевичъ въ чистое поле; и дернуль за хвостъ, и кожу класть на гвоздь, и—

«Вотъ, вами, вороны и сороки: обѣдъ вамъ Богъ дадъ!»

Самъ рыкнулъ по-звѣриному и свистнулъ по-змѣиному:—конь бѣжитъ, мать-сыра земля дрожитъ; со рта пламя машеть, съ ноздрей искры сыплють; съ ушей чадъ и дымъ столбомъ валить, съ . . . горячія головешки выкидываєтъ!

Потомъ Иванъ-царевичъ взялъ доброго коня, угладилъ и—тритечнаго младенчика
клади, такъ и этотъ ъздитъ!

И тутъ Иванъ-царевичъ шелъ въ свой великой, глубокой погребъ, который дѣ-
душкой имъ жалованъ погребъ—и наѣлся-насылся добрый молодецъ; взялъ себѣ луч-
шіе тесьменные бразье и церквасско сѣдло. И подтагивалъ своего доброго коня, и
бравъ себѣ вострый мечь; и садился за добра коня—поѣхалъ въ чисто поле.

И ъзда по чистому полю, прїѣхалъ къ евтому столбу. И на этомъ столбѣ
подпись:

«Кто въ правую дорогу поѣдетъ—самъ сыть, а конь голоденъ; а кто въ лѣ-
вую дорогу поѣдетъ—конь сыгъ, а самъ голоденъ; кто середне поѣдетъ дорогой—го-
ловы на плаху!»

Тутъ добрый молодецъ Иванъ-царевичъ, и норасплакался—пораздумался:

«Не честь—хваля богатырская доброму молодцу тутъ ъхать, гдѣ головы на
плаху!»

И поѣхалъ добрый молодецъ въ чистое поле, взялъ поскакивать, и взялъ
надъ добримъ конемъ помахивать:—рѣки и озёра между ногъ несетъ; грива коле-
сомъ завивается—хвостъ по земли разстилается!..

И выѣхалъ на зеленые луга, и увидѣль фатерку на веретёной пяткѣ: туды
тынцѣмъ, сюды крыльцемъ. И соскочиль добрый мѣлодецъ съ добра коня:

«Мнѣ не вѣкъ вѣковать, одну ночь почевать:—я въ тебѣ иду, и выйду!»

И шелъ добрый молодецъ въ сю хоромину, владеть крестъ по-писанному, по-
клонъ кладеть по учёному.

И сидить стара мать роженая: носомъ въ печи поваруешь, и глазами гусей въ
полѣ пасеть; руками шёлковъ кужель точить черезъ грядѣ:

«Фу-фу-фу: досель черной воронъ кости россійской не занашивалъ; а нынѣ въ
очи вѣржетъ!—Что ты, дитятко, волею иль неволею ъздишь?»

Тутъ добрый молодецъ какъ прискочеть къ старухѣ:

«Дамъ тебѣ поѹшину—будеть отъ отдушина! а тамъ какъ песокъ посы-
нется—будеть съ песокъ!—Ты бы, старушка, неучилась-то много богатыря
спрашививать:—училась бы кормить да поить!»

Старушка на столь собрала и накормила и напоила и постель постлала;—
стала у Иванъ-царевича спрашивать.

«Волей ли ты, дитятко, ъздишь иль неволей?»

И стала сказывать:

«Волей, а втрое неволей.—И нась было у царя три брата: первый ъздиль—
только мѣдны горы мѣдного гада привезъ,—и засадилъ того брата; и другой въ безъ-
извѣстность ъхаль; потому наложель на меня службу,—его цвѣтикъ ломать и слѣдовъ
разыскивать.—Скажи, бабенка, далече ли нащъ татенка йиздилъ, въ бытность его?»

—Ложись, дитятко, спать: утро мудро, а день прибыточенъ!—

По угрю бабенка будила доброго молодца; и накормила, напоила—дала свово доб-
раго коня и на путь дорожку проводила:

«Матерь меня сестра живеть впереди и про это дѣло она знаетъ...»

И поѣхалъ добрый молодецъ въ чистое поле опять: съ горы на гору, съ холмы
на холму; и взялъ поскакивать добрый молодецъ—взялъ помахивать:—рѣки да озёра
промежъ ногъ несетъ; грива колесомъ завивается, хвостъ по земли разстилается!...

И выѣхалъ на зеленые луга. И день ко вечеру приближается. И увидѣль
фатерку въ полѣ, на турьи ножки, на веретёной пятки.

«Устойся, фатерка! Мнѣ въ тебѣ не вѣкъ вѣковать—одну ночь почевать: я въ
тебѣ иду, и выду!»

Фатерка устоялась:—туды тынцѣмъ, сюды крыльцемъ.

И соскочиль со своего доброго коня, идеть въ его хоромину:—ашѣ старѣй
той сестры сидить! черезъ грядку шёлковъ кужель точить, въ печи носомъ поваруешь
и глазами въ полѣ гусей пасеть.

«И досель — говорить — черной воронъ русской кости не нашивалъ — одинъ царь российскій прѣживалъ; а нынѣ русская кость сама въ очи вѣржетъ! — Что ты, дитятко, волей ли ты йиздишь иль неволею?»

И царскій сынъ, Иванъ Царевичъ, былъ очень тѣменъ, голоденъ, и очень сдѣлался яръ — присѣкоть къ старухѣ и замахается:

«Я тебѣ какъ дамъ поушину — будеть изъ... отдушина! дамъ въ високъ — изъ... посыпается песокъ! А не училась бы ты много богатыря спрашиватъ — училась бы поить да кормить, на перинку спать положить!»

И старушка напоила, накормила и спать положила и стала его спрашивать:
«Дитятко, волею ли ты йиздишь иль неволею?»

—Ахъ, бабенка! — говоритъ — вдвое неволею. Велѣль нашъ татенка всѣхъ цвѣтовъ поломать, слѣдовъ поискать. Скажи, бабенка: — далече ль или близко нашъ татенка ъздила? —

«Утро мудро; день прибыточень: — утро мудренѣе вечера, дитятко; съ утра я тебѣ скажу!»

Туть бабенка будила его поутру ранѣшенько и кормила и поила его, добрая молодца, и дала своего доброго коня; а того оставила туто-ка и проводила въ чистое поле...

И взялъ доброй молодецъ поискавать и помахивать: съ горы на гору, съ холмы на холму; рѣки да озёра промежъ ногъ несетъ; грива колесомъ завивается, хвостъ по земли разстигается...

И выѣхалъ на зелены луга. И день коротается, солнце къ вечеру приближается... И такъ увидѣлъ въ зеленыхъ лугахъ хватерку:

«Устойся, фатерка, на турьей ножки, на веретённой пяткѣ! мнѣ нѣ тебѣ не вѣкъ вѣковать — одну ночь почевать: я въ тебя ѿйду и выду!»

И пріѣзжаетъ на своеемъ дромѣ кони ко крыльцу, и соскочилъ съ своего доброго коня — идѣть въ сю храмину: — сидѣть стара матеря жена и тѣтчица черезъ грядку шёлковъ кужель и восомъ въ печи поваруєть, глазами въ полѣ гусей пасетъ:

«Что ты, дитятко, волей аль неволей йиздишь?»

Присѣкоть какъ Иванъ-царевичъ къ старухѣ:

«Я тебѣ какъ дамъ поушину — будеть отъ ... отдушина! какъ дамъ въ високъ — посыпается изъ ... песокъ!...»

Недосугъ стало старухѣ сидѣть: — стала кормить и поить, и спать положила; и тогда стала спрашивать...

«Ахъ, бабенка! все тебѣ побѣдушки свои скажу: насть у царя было три сына. Первый братъ былъ Федоръ-царевичъ, и спустилъ онъ за охотой его своихъ цвѣтовъ поломать — слѣдовъ поискать; и то онъ сѣхаль только къ мѣдной горѣ — одного привезъ мѣдного гада. И за то нашъ батюшка сдѣлался гнивецъ — посадилъ его въ темницу. И другой братъ былъ Митрѣй-царевичъ; и послалъ его за охотой, и пропалъ онъ безвѣстно, назадъ онъ не воротился. И стала выкликатъ по инио времѧ нашъ батюшка, — принужденъ я выйтти, поклониться батюшкѣ, поѣхать его цвѣтовъ поломать, слѣдовъ поискать. Потомъ онъ мнѣ говорилъ:

«Куды тебѣ, Иванъ, ъхать? было братьевъ получше тебя! — сидѣть бы тебѣ на печи, а не полѣковать ъхать! другіе были старше тебя, да не воротилися въ домъ!»

«И потомъ я вынужденъ, бабенка, выйтти и благословленія просить у батюшки своего: — Дашь прощеніе и благословленіе — поѣду! не дашь прощенія и благословленія — поѣду! — Тогда же принужденъ я поѣхать во чистое поле поломать его цвѣтовъ, поискать слѣдовъ. И потомъ царь этому былъ радостенъ — отпустивъ меня. — Скажи, бабенка, далече ли нашъ татенка ъздила или близко?»

— Утро, дигятко, мудро; день прибыточень; — утро мудренѣе вечера: — я тебѣ съ утра скажу! —

И туть онъ просыпался, будила его бабенка ронѣшенько и дала свою добрая коня, и на пугь-дорожку провожала и наказывала ему:

«Пріѣдешь, мое дитятко, въ самое подудѣнное время, въ подсолнечное государство. И тамъ все дѣвица царѣтъ, Марья-Краса, Долга Коса. О девяти столбахъ кровать. Спить она на бѣри само полудѣнное время. Но поторопись—скачи прямо въ городовую стѣну. И въ саду молодовая яблоня, вода жива и мѣртва. И за тымъ твой отецъ ёздилъ туда, ты налей пузырьки живой воды и мѣртвой; испытай, котора жива, котора мѣртва:—розорви воронёнка. На правой рукѣ живая вода, а на лѣвой мѣртвая...»

Пріѣзжаетъ Иванъ-Царевичъ въ подсолнечное государство и зашелъ въ садъ и поймалъ вороненка, и разорвалъ. И тутъ сиренвуль мѣртвой водой—тѣло его слилось; и живой водой спрыснуль—вороненокъ полетѣлъ!...

И тутъ захотѣлось доброму молодцу сходить въ покой, посмотретьъ: какожды спить въ полудѣнное время Царь-Дѣвица, Марья-Краса, Долга Коса?—И пошелъ по покоямъ—по комнатамъ, и всѣ дѣвицы по бѣрамъ своимъ снять. И дошелъ до покоя дѣвицы Мары-Красы и до Долгой-Косы. Такожды дѣвица очень прілѣпно красовита. И въ себя вздохнетъ—двери запрутся, и отъ себя вздохнетъ—двери отопрутся... И—

«Что мнѣ не честь!» разгорѣлось у молодца ретивое сердце:

«Хочется мнѣ у дѣвицы своего коня напоить!»

И за нею Красу, сквозь рубашку тѣло видно, а сквозь тѣло—мозгъ видно...

И пригорѣлся онъ, и захотѣлось ему своей охотой сдѣлать мысленой. И ся дѣвица не услыхала, сю охоту сдѣлать мысленно...

И потомъ вышелъ тихо, и смиро изъ покоя вонъ.

И выходитъ на широкой свой дворъ, и весьма его стоитъ конь утруженъ. Веди его къ роднику, излѣй его всего всего свѣжей водой, и набери молодовыхъ яблокъ, наклади перемѣтная сумки, и пузырьки налей воды живой и мѣртвой, и ускоряй изъ царствія побѣхать скорою своею промышленностью.

И такожды садился за добра коня и, поторопивъ побѣхать, ударили коня по тучнымъ бѣрамъ, и скочивъ прямо городовую стѣну, и зацепивъ конь лѣвою ногою за мѣдную струну. Вокругъ города мѣдныя струны и колокола зазвонили, и разбудилась Царь-Дѣвица, и вѣзбуила всѣхъ своихъ служащихъ. И сдѣлала всіхъ крылатыхъ—полетѣла вслѣдъ за нимъ, въ погоню.

«Что въ нашемъ государствѣ былъ воръ, и въ моемъ колодезѣ коня напоилъ. Обрѣвъ наши яблоки молодовыя и живую воду и мѣртвую!»

Такъ сіе Иванъ-царевичъ доѣзжаетъ до бабенки, и бабенка выводить къ нему (своего добра коня). И онъ, царевичъ, соскочи съ коня на коня, и гони впередъ...

И стала ей просить, рѣдной своей племянницѣ, Царь-Дѣвицѣ, къ себѣ въ гости, на чай и на кофе.

«Что жъ, бабенка! мнѣ не слободно и недесугъ; не видала ль какого дурака, проѣдуци?»

— Ахъ, мое дитятко!—говорить:—и никуда отъ твоихъ рукъ уйдетъ:—онъ коломъ погоняетъ; поди на малое время ко мнѣ погостить!

И потомъ, поколь ее угощивала, онъ коня погоняетъ—ко другой бабушкѣ поспѣшаетъ.

А Царь-Дѣвица, вслѣдъ и поднялась со своей силой.

И придетаетъ къ своей бабенкѣ:

«Что, бабенка? не видала ли дурака, проїдуци или проѣдуци?

— Дитятко!—говорить:—какой то дурачекъ ёдетъ; бѣть—лошаденка иоткается; больше нейдетъ!

Начни убѣдительно просить сю царь-дѣвицу къ себѣ въ гости на чай и за кофе.

И зашла дѣвица.

Поколь углащивалась—Иванъ-царевичъ къ третьей бабушкѣ пріѣзжаетъ. И дѣла ему своего добра коня, отсылаеть въ ту минуту со двора.

И царь-дѣвица отъ второй бабушки поднялась и его застать хочетъ. То доле-
таетъ до третьей бабенки—спрашиваетъ:

«Что, бабенка? не видала ль дурака, пройдуци или проѣдуци?»

— Поди ко въ гости!.. Какой-то дуракъ ужъ на кони кожу несетъ!

И стала ее убѣдительно просить:

— Жарь этакой!—отдохиши!..

Покудль она прохлаждалась да угождалась, — потомъ за Иваномъ-царевичемъ
всѣдѣ подымалась.

Иванъ-царевичъ той порой ускорилъ на сватую Русь выѣхать; и ме поспѣла
своей спѣшностью его достать!..

И прїѣхаль Иванъ-царевичъ къ тому же столбу во чистоиъ поли, изъ которому
надпись есть...

Тутъ Иванъ-царевичъ пораздумался:

«Не честь-хвала да молодецъкал!—въ дорожку былъ спрѣвивши ие въ вѣсти-
мую, получилъ своего батюшка вси прихоти, и—буде поискать свово рѣднаго братца,
Дмитрия-царевича!»

Тогда ладиться побѣхать, своего брата поискать; и спрѣвился— «гдѣ конь сыть,
а самъ голоденъ».

И выѣхаль въ зеленыи луга. И приогромный домъ увидаль; и подѣхаль къ
сѣну; и подъ ворота заѣхаль, и поставилъ коня въ бѣло-жировой шенѣ... Узналь
царскій конь своего наслѣдника—заржалъ во всю пору!—Идетъ онъ на столбы то-
чёные, на ступенки золочёныя. И выходитъ ему встрѣчу прикрасная женщина; и
встрѣчаетъ его—къ себѣ въ покой зазываетъ, и ведеть его къ себѣ въ покой на уго-
щеніе.

И кормила, поила, всѣмъ удовольствовала его—всякою благодатію. И на кро-
вать послѣ хлѣба-соли добра младодца ложитъ съ устаточку. Ложить его, Ивана-ца-
ревича, напередь о стѣночку; а онъ ею. Долговременно корялися они этими. Хвати
Иванъ-царевичъ за животъ ее, и брось о стѣнку!—поворни кроватку-самокатку—по-
лети ся женщина въ глубокій погребъ!..

Тамъ кричать прежніе сидѣльцы:

«Свѣжаго Богъ далъ!»

Кричить Иванъ-царевичъ:

«Котора васъ слугила, разорвите ю по одному суставу!»

Тутъ хватили добры младодцы:—кому рука, кому нога, кому попала голова!..

И подавае пимъ ко долу канать; и распускаеть добрыхъ младодцевъ на волю.
Обѣзи своего брата Митрія—приимаетъ его за ручки за бѣдлы, за перси злаченія;
цѣловаль его во сахѣрныя уста, нарекаль его братомъ, Дмитреемъ-царевичемъ.—И
налипиль, накормилъ своего брата и побѣхаль съ нимъ въ свой градъ.

И выѣхаль въ чистое поле. Оклони Ивана-царевича великой и несносной соиѣ.
Деветоро сутки ъездюци, ни сыпѣюци, не ъдаюци, не пиваюци... И роздернули свои
блѣлые шатры, и начали опочивать.

Иванъ-царевичъ спить безъ прохвату...

И третыи сутки Митрій-царевичъ, обравъ младодвия яблони, живую воду и пере-
мѣтныя сумки, уѣхаль въ свое государство.

Иванъ-царевичъ проспался:—нигдѣ ничего не видю!—И сѣлъ на свово доброго
коня, и подѣхаль близъ своего государства. И снимас свое церькасское сѣдло и
тесьянную узду, и—

«Ступай въ поле, на спокой, Сивка-Бурка, пока я тебя не потребую!»

Идетъ Иванъ-царевичъ пѣхотою въ свой градъ. И зайди по питейнымъ домамъ,
съ удалчами на ряду...

Съ великою чѣстю принялъ царь Дмитрія-царевича, водить балы и короводы...

Скоро скажется—тихо дѣется:—тѣмъ временемъ прошло три года. И прїѣхала

Царь-Дѣвица середь самой середь ночи, съ полуночи во первомъ часу; и начни палить изъ пушекъ и изъ оружій; и прости виноватаго къ себѣ.

Не знаетъ царь, что и сдѣлать: кого отдать виноватаго?..

И собираль онъ царь думныхъ господъ:

«И господа вы, думщие бояра! стаиць мы выдумывать: нѣтъ-ли у насъ кого виноватаго послать?»

— Милосердый государь! какожды вамъ полюбится, намъ сказать и говорить:— во дальнюю дорожку Митрій-царевичъ не наискоскивъ-ли гдѣ? не сдѣлать ли чего худого въ какомъ государствѣ?

И посылали Федора-царевича на корабль. И увидѣла Марья-краса, Долга Коса,— выбросила сходни, постригала сукна красны... Бѣгаютъ на корабли два вѣюноша прекрасныя, и кричать сіи два вѣюноши малые:

«Маменька! маменька! нашъ татенка идеть!»

— Нѣтъ, дѣтушки!—говорить:—не батюшка идеть, вашъ дядюшка болѣшій.— Возьмите-тка—говорить—вы дядюшку, розтаните вы его по палубы; вырѣжите-ка съ ляжки три пражки, съ хребта—три ремня.—Пусть не въ свое мѣсто не пихается!— столкните его прочь.

И начни опять палить день и ночь изъ пушекъ и изъ ружей, и прости виноватаго.

И собираетъ царь думщихъ господъ:

Что у насъ въ государствѣ, кто виноватый есть?

И какожды господа думщие бояра удумали:

«Извольте, ваша милость, послать Митрія-царевича:—не его ли есть пригрѣшеніе?»

И царь посыаетъ своего сына на корабль.

Выкинули сходни, постригали сукна... Бѣгаютъ два вѣюноша малые и говорять своей матери:

«Маменька! маменька! нашъ татенка идеть!»

— Нѣтъ, не вашъ татенка идеть; а вашъ середней дядюшка идеть.—Возьмите-ка вы дядюшку за ручки бѣлыя, положите его на палубы; вырѣжьте-ка съ ляжки три пражки, съ хребта—три ремня!—Пусть не въ свое мѣсто не пихается!—отошлилте съ корабля вонъ!

И съ корабля отослали его, и начали палить изъ ружей да изъ пушекъ, просять виноватаго.

И опять царь собралъ думщихъ господъ:

«Что, думщие господа? кто у насъ согрѣшилъ?—Дайте мнѣ совѣтъ».

Нѣкакій выискался изъ нихъ,—смѣло отвѣчаетъ царь:

«Ваше Императорское Величество.—Ваша милость виновата!»

Такожды и говорить:

«Ванька-запѣчинъ—царской сынъ; хотя и не пристойно вамъ сказать—всякія премудрости онъ вреть и представлять по кабакамъ и питейнымъ домамъ»...

— Отыскать его, и привезти!—не его ли пригрѣшеніе есть?..

Того Ваньку отыскивали по кабакамъ, по всему городу;—отыскивали Ваньку за городомъ, «царскаго сына», и требуютъ его на личѣ къ царю. И приходитъ онъ къ своему отцу на личѣ, въ худомъ мундирѣ. И сильно воспылилъ на него царь:

«Охотникъ ты, Иванъ-царевичъ, приглаживать:—не твое ли пригрѣшеніе есть?— За свой ты грѣхъ самъ п отвѣчай; а насть—чтоъ больше не тревожили!»

Ванька смѣло царю отвѣчаетъ:

«Какой бездѣлчи безъ меня царю отвѣтить не могли!»

Такожды говорить:

«Отвѣтить не могли!»

Убирался Ванька скоро на корабль. И идеть онъ на корабль, не самимъ чи-

стыть парадомъ, а грязью и водой.—Тамъ того-то ве пытали—сходни выкинули, и сукна подостлали.. И бѣгаютъ два выюноша:

«Маменька! маменька! не напьши ли татенька идеть?»

И говорить Царь-Дѣвица:

«Дѣтушки! возьмите за ручки за бѣлымъ, за перси злаченныя! и—вашъ кровный сущій батюшка идеть!»

И принимала за ручки за бѣлымъ Марья-Краса, Долга-Коса,—называла нарѣченнымъ мужемъ своимъ:

«По сѣмени своему, засѣянному, законный бракъ имѣть съ тобой хочу!»

И стали они пировать. Съ великою честью царь приглашаетъ его на пиръ.—И всѣ свои побѣды Иванъ-царевичъ разскажать,—что случилось быть надъ нимъ. И такожды просить благословленія, иерушимо во вѣки, отъ своего отца, принять законный бракъ съ Царь-Дѣвицей:

«Такожды мои мысли и силы хватали,—такожды я досталь живой воды, и мертвый, и молодовныхъ яблоковъ,—чтобъ ты быть, нашъ батюшка, аще моложе, и тебѣ дай Богъ многолѣтняго здравія!—И такъ прошу у тебя милосердія своего, отпустить меня въ подсолнечное царство съ Царь-Дѣвицей:—не вступаюсь въ свое государство!..

И съѣхалъ въ подсолнечное царство;—и весьма хорошо живетъ, прокладио, и желаетъ себѣ и дѣтамъ долговременный спокой...»

Колько слыхалъ—только сказалъ.

Сынно-Губской погостъ, въ За-Онежськъ.

Другой разсказъ.

Досюль было у отца да у матери три сына; и написавъ имъ отецъ и мать службу:—съѣздить въ подсолнечное царство, въ подсолнечное государство, къ Царь-Дѣвицѣ.

И поѣхалъ напередъ старшій сынъ.

И ѿхавъ—поѣхавъ—стоять по край дороги столопъ, и на немъ подпись:

«Вправо лорожка—съ дѣвкой спать на кровати; влѣво дорожка—самому живу не быть; а впередъ—долга, безконечна дорога!»

Думаль—подумаль: куда поѣхать?..

«И поѣду, съ дѣвкой спать, на кровать!»

И прїехалъ въ чистое поле: стоитъ палата бѣлокаменная.

И прїехалъ на своеемъ добромъ конѣ къ палатѣ бѣлокаменной и привязалъ коня къ столбу точёному, къ колычу золочёному.

Выходитъ красная дѣвица,—и насыпала коню ишены бѣло-жровой...

И приходитъ добрый молодецъ въ эту палату.—Красная дѣвица его накормила, напоила, и говоритъ ему:

«Ложись, добрый молодецъ, спать, на кровать!»

И взяла доброго молодца охапкой, бросила о постель, и онъ въ погребъ улетѣлъ!..

И ждали-пождали отецъ и мать—нѣть сына съ этой дороги!.. Стали стары и древни, и назначили службу среднему сыну, съѣздить въ подсолнечное царство, по молодицкыя ягоды, по живую воду.

И прїезжаетъ онъ ко столбу, и на немъ подпись:

«Вправо дорожка—съ дѣвкой спать на кровати; влѣво дорожка—самому живу не быть; а впередъ долга—безконечна дорога!»

Думаль—подумаль: куда поѣхать?..

«И поѣду, съ дѣвкой спать, на кровать!»